

Николай
Рубцов

Стихотворения

Золотая серия поэзии (Эксмо)

Николай Рубцов

Стихотворения

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Рубцов Н. М.

Стихотворения / Н. М. Рубцов — «Эксмо», — (Золотая серия поэзии (Эксмо))

ISBN 978-5-04-118617-3

Каждая строчка прекрасного русского поэта Николая Рубцова, щемящая интонация его стихов — все это выстрадано человеком, живущим болью своего времени, своей родины. Этим он нам и дорог. Тихая поэзия Рубцова проникает в душу, к ней хочется возвращаться вновь и вновь. Его лирика на редкость музыкальна. Не случайно многие его стихи, в том числе и вошедшие в этот сборник, стали нашими любимыми песнями. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-118617-3

© Рубцов Н. М.
© Эксмо

Содержание

Видения на холме	7
«Уж сколько лет слоняюсь по планете...»	8
Два пути	9
«Или в жизнь ворвалась вьюга...»	10
В краю, не знающем печали	11
«Жизнь – океан, волнуемый...»	11
Деревенские ночи	12
Первый снег	13
Над рекой	14
Минута прощания	15
Мое море	16
В дозоре	17
Шторм	18
Отпускное	19
Где веселые девушки наши?	20
А дуба нет	21
На гуляние	22
Экспромт	23
О собаках	24
Березы	25
Экспромт	26
Товарищу	27
Ну погоди...	28
Встреча	29
Северная береза	30
Письмо	31
«Ты хорошая очень – знаю...»	32
Весна на море	33
«Снуют. Считают рублики...»	34
«Поэт перед смертью...»	35
Поэзия	36
Наследник розы	37
«Я забыл...»	38
Добрый Филя	39
Левитан	40
Разлад	41
Утро утраты	42
Утро на море	43
В океане	44
«Эх, коня да удаль азиата...»	46
Полюби и жалей	47
«Меня звала моя природа...»	47
Ты с кораблем прощались	48
Оттепель	49
«Я весь в мазуте...»	50
Я тебя целовал	51

Мачты	52
На родину!	53
Соловьи	54
«Пора любви среди полей...»	56
Фиалки	57
Плыть, плыть...	59
Повесть о первой любви	60
«Вредная...»	61
Букет	62
Куда полетим?	63
Не пришла	64
В городе	65
Элегия	66
Ответ на письмо	67
Пальмы юга	68
Волнуется южное море	69
В горной долине	70
В пустыне	71
«О чем писать...»	72
Венера	73
Последняя осень	74
Сергей Есенин	75
Последняя ночь	76
«Брал человек...»	77
«О чем шумят...»	78
Тост	79
В гостях	80
Эхо прошлого	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Николай Михайлович Рубцов

Стихотворения

© Рубцов Н.М., наследник, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Видения на холме

*Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижусь наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмив на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...*

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот из у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов*

в окрестностях

России.

Кресты, кресты...

*Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижусь: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...*

1962

«Уж сколько лет слоняюсь по планете...»

Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет...
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто неразлично,
И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?
В лицо невгодам гордою улыбкой
Ужели мне смеяться целый век?
Ужели я, рожденный по ошибке,
Не идиот, не гад, не человек?
Иль нам унынию рано предаваться,
На все запас терпения иметь?
Пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться
Среди других глупцом и... умереть?
Когда ж до слез, до боли надоели,
Заботы все забвению предать?
И слушать птиц залиvistые трели
И с безнадежной грустью вспоминать?
И вспомню я...
Полярною зимою
Как ночь была темна и холодна!
Казалось, в мире этом под луною
Она губить все чувства рождена!
Как за окном скулил, не умолкая,
Бездомный ветер, шляясь над землей,
Ему щенки вторили, подвывая, —
И все в один сливалось жуткий вой!
Как, надрываясь, плакала гармошка,
И, сквозь кошмар в ночной врываясь час,
Как где-то дико грохали сапожки —
Под вой гармошки – русский перепляс.
...Бродить и петь про тонкую рябину,
Чтоб голос мой услышала она:
Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена!..

1955, январь

Два пути

Рассыпались
 листья по дорогам.
От лесов угрюмых падал мрак:
Спите все до утреннего срока!
Почему выходите
 на тракт?

Но, мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань
 двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда.

Кто же знает,
 может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки:
Я уйду тропой.

1950

с. Никольское Вологодской обл.

«Или в жизнь ворвалась вьюга...»

Т. С.

Или в жизнь ворвалась вьюга,
Нежность чувств развеяв в дым,
Иль забудем друг про друга
Я с другой,

а ты с другим?

Сочинять немного чести.
Но хотел бы я мельком
Посидеть с тобою вместе
На скамье, под деревцом,
И обнять тебя до боли,
Сильной грусти не стыдись.
Так, чтоб слезы поневоле
Из твоих катились глаз.

Первый снег

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
А по дороге меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

1955

Над рекой

Жалобно в лесу кричит кукушка
О любви, о скорби неизбежной...
Обнялась с подружкой подружка
И, вздыхая, жалуется нежно:

Погрусти, поплачь со мной, сестрица.
Милый мой жалел меня не много.
Изменяет мне и не стыдится.
У меня на сердце одиноко...

Может быть, еще не изменяет, —
Тихо ей откликнулась подружка, —
Это мой стыда совсем не знает,
Для него любовь моя – игрушка...

Прислонившись к трепетной осинке,
Две подружки нежно целовались,
Обнимались, словно сиротинки,
И слезами горько обливались.

И не знали юные подружки,
Что для грусти этой, для кручины,
Кроме вечной жалобы кукушки,
Может быть, и не было причины.

Может быть, ребята собирались,
Да с родней остались на пирушке,
Может быть, ребята сомневались,
Что тоскуют гордые подружки.

И когда задремлет деревушка
И зажгутся звезды над потоком,
Не кричи так жалобно, кукушка!
Никому не будет одиноко...

Минута прощания

...Уронила шелк волос
Ты на кофту синюю.
Пролил тонкий запах роз
Ветер под осиною.
Расплескала в камень струи
Цвета винного волна —
Мне хотелось в поцелуи
Душу выплескать до дна.

В дозоре

Визирщики
 пощады не давали
Своим
 молящим отдыха глазам,
Акустиков, мы знали, сон не свалит!..
...В пути
 никто
 не повстречался нам.
Одни лишь волны
 буйно
 под ветрами
Со всех сторон —
 куда ни погляди —
Ходили,
 словно мускулы,
 буграми
По океанской
 выпуклой груди.
И быть беспечным
 просто невозможно
Среди морских
 загадочных дорог,
В дозоре путь
 бывает
 бестревожным,
Но не бывает думы без тревог!

Шторм

Бушует сентябрь. Негодует народ.
И нету конца канители!
Беспомощно в бухте качается флот,
Как будто дитя в колыбели...

Бывалых матросов тоска томит,
Устали брэнчать на гитаре...
Недобрые ветры подули, Смит!
Недобрые ветры, Гарри!

Разгневалось море, – сказал матрос.
Разгневалось, – друг ответил.
И долго молчали, повесив нос,
И слушали шквальный ветер...

Безделье такое матросов злит.
Ну, море! Шумит и шпарит!
А были хорошие ветры, Смит!
Хорошие ветры, Гарри!

И снова, маршрут повторяя свой,
Под мокрой листвою бурой
По деревянной сырой мостовой
Матросы гуляли хмуро...

Где веселые девушки наши?

Как играли они у берёз
На лужке, зеленеющем нежно!
И, поплавав о чём-то всерьёз,
Как смеялись они безмятежно!

И цветы мне бросали: – Лови! —
И брожу я, забыт и обижен:
Игры юности, игры любви —
Почему я их больше не вижу?

Чей-то смех у заросших плетней,
Чей-то говор всё тише и тише,
Спор гармошек и крики парней —
Почему я их больше не слышу?

– Васильки, – говорю, – васильки!
Может быть, вы не те, а другие,
Безразлично вам, годы какие
Провели мы у этой реки?

Ничего не сказали в ответ.
Но как будто чего выражали —
Долго, долго смотрели вослед,
Провожали меня, провожали...

А дуба нет

Поток, разбуженный весной,
Катился в пене кружевной,
И, озаряемый луною,
Светился тихо край родной.
Светился сад, светилось поле
И глубь дремотная озер, —
И ты пошла за мной без воли,
Как будто я гипнотизер...
Зачем твой голос волновался
И разливался лунный свет?
Где дуб шумел и красовался,
Там пень стоит... А дуба нет...

На гуляние

На меду, на браге да на финках
Расходились молнии и гром!
И уже красавицы в косынках
Неподвижно, словно на картинках,
Усидеть не в силах за столом.
Взяли ковш, большой и примитивный: —
Выпей с нами, смелая душа! —
Атаман, сердитый и активный,
Полетит под стол, как реактивный,
Сразу после этого ковша.
Будет он в постельной упаковке,
Как младенец, жалобно зевать,
От подушки, судя по сноровке,
Кулаки свои, как двухпудовки,
До утра не сможет оторвать...
И тогда в притихшем сельсовете,
Где баян бахвалится и врет,
Первый раз за множество столетий
Все пойдут, старательно, как дети,
Танцевать невиданный фокстрот.
Что-то девки стали заноситься!
Что-то кудри стали завивать!
Но когда погода прояснится,
Все увидят: поле колосится!
И начнут частушки запевать...

Экспромт

Не подберу сейчас такого слова,
Чтоб стало ясным все в один момент.
Но не забуду Кольку Белякова
И Колькин музыкальный инструмент.

Сурова жизнь. Сильны ее удары,
И я люблю, когда взгрустнется вдруг,
Подолгу слушать музыку гитары,
В которой полон смысла каждый звук.

Когда-то я мечтал под темным дубом,
Что невеселым мыслям есть конец,
Что я не буду с девушками грубым
И пьянствовать не стану, как отец.

Мечты, мечты... А в жизни все иначе.
Нельзя никак прожить без кабаков.
И если я спрошу: «Что это значит?» —
Мне даст ответ лишь Колька Беляков.

И пусть сейчас не подберу я слова.
Но я найду его в другой момент,
Чтоб рассказать про Кольку Белякова
И про его чудесный инструмент.

1957

О собаках

Не могу я
Видеть без грусти
Ежедневных собачьих драк,
В этом маленьком
Захолустье
Поразительно много собак!
Есть мордастые —
Всякой масти!
Есть поджарые —
Всех тонов!
Только тронь —
Разорвут на части
Иль оставят вмиг
Без штанов.
Говорю о том
Не для смеху,
Я однажды
Подумал так:
«Да! Собака —
Друг человеку
Одному,
А другому – враг...»

1957

Березы

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю – и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

Приютино, 1957

Экспромт

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводке,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Приютино, 1957

Товарищу

Что с того, что я бываю грубым?
Это потому, что жизнь груба.
Ты дымишь
 своим надменным чубом,
Будто паровозная труба.
Ты одет по моде. Весь реклама.
Я не тот...
 И в сумрачной тиши
Я боюсь, что жизненная драма
Может стать трагедией души.

1957

Ну погоди...

Ну погоди, остановись, родная.
Гляди, платок из сумочки упал!
Все говорят в восторге: «Ах какая!»
И смотрят вслед...

А я на все начхал!

Начхал в прямом и переносном смысле.
И знаю я: ты с виду хороша,
Но губы у тебя давно прокисли,
Да и сама не стоишь ни гроша.
Конечно, кроме платя и нательных
Рубашек там и прочей ерунды,
Конечно, кроме туфелек модельных,
Которые от грязи и воды
Ты бережешь...

А знаешь ли, что раньше

Я так дружил с надеждою одной, —
Что преданной и ласковой, без фальши,
Ты будешь мне

когда-нибудь

женой...

Прошла твоя пора любви и мая,
Хотя желаний не иссяк запал...
...Ну погоди, остановись, родная,
Гляди, платок из сумочки упал!

1957

Встреча

– Как сильно изменился ты! —
Воскликнул я. И друг опешил.
И стал печальней сироты...
Но я, смеясь, его утешил:
Меня прежние черты,
Меня возраст, гнев на милость,
Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

Северная береза

Есть на Севере береза,
Что стоит среди камней.
Побелели от мороза
Ветви черные на ней.
На морские перекрестки
В голубой дрожащей мгле
Смотрит пристально березка,
Чуть качаясь на скале.
Так ей хочется «счастливо!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей все нет и нет...
Спят морские перекрестки,
Лишь прибой гремит во мгле.
Грустно маленькой березке
На обветренной скале.

1957

Письмо

Дорогая! Любимая! Где ты теперь?
Что с тобой? Почему ты не пишешь?
Телеграммы не шлѐшь... Оттого лишь —
поверь,
Провода приуныли над крышей.
Оттого лишь, поверь, не бывало и дня
Без тоски, не бывало и ночи!
Неужели – откликнись – забыла меня?
Я люблю, я люблю тебя очень!
Как мне хочется крикнуть:
«Поверь мне! Поверь!»
Но боюсь: ты меня не услышишь...
Дорогая! Любимая! Где ты теперь?
Что с тобой? Почему ты не пишешь?

«Ты хорошая очень – знаю...»

Ты хорошая очень – знаю.
Я тебе никогда не лгу.
Почему-то только скрываю,
Что любить тебя не могу.
Слишком сильно любил другую,
Слишком верил ей много дней,
И когда я тебя целую,
Вспоминаю всегда о ней...

1957

Весна на море

Вьюги в скалах отзвучали.
Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив!

День пройдет – устанут руки.
Но, усталость заслонив,
Из души живые звуки
В стройный просятся мотив.

Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котенок,
Все скребется о причал...

1959

«Снуют. Считают рублики...»

Снуют. Считают рублики.
Спешат в свои дома.
И нету дела публике,
что я схожу с ума!
Не знаю, чем он кончится —
запутавшийся путь,
но так порою хочется
ножом...
 куда-нибудь!

Приютино, 1957

Поэзия

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!
Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

1959

Наследник розы

В саду, где пела радиола,
Где танцевали «Вальс цветов»,
Все глуше дом у частокола,
Все нелюбимей шум ветров.

Улыбка лета так знакомо
Опять сошла с лица земли!
И все уехали из дома
И радиолу увезли...

На огороде с видом жалким,
Как бы стыдясь за свой наряд,
Воронье пугало на палке
Торчит меж выкопанных гряд.

Порой тревожно – не до шуток! —
В рассветном воздухе седом
Мелькнет косяк последних уток
Над застывающим прудом.

Вот-вот подует зимним, снежным.
Все умирает... Лишь один
Пылает пламенем мятежным —
Наследник розы – георгин!

«Я забыл...»

Я забыл,
Как лошадь запрягают.
И хочу ее
Позапрягать,
Хоть они неопытных
Лягают
И до смерти могут
Залягать.
Но однажды
Мне уже досталось
От коней
И рыжих, и гнедых, —
Знать не знали,
Что такое жалость,
Били в зубы прямо
И под дых.
Эх, запряг бы
Я сейчас кобылку
И возил бы сено
Сколько мог,
А потом
Втыкал бы важно вилку
Поросенку
Жареному
В бок...

Добрый Филя

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
Филя! Что молчаливый?
А о чем говорить?

1960

Левитан
(По мотивам картины «Вечный звон»)

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

1960

Разлад

Мы встретились
У мельничной запруды.
И я ей сразу
Прямо все сказал!
– Кому, – сказал, —
Нужны твои причуды?
Зачем, – сказал, —
Ходила на вокзал?

Она сказала:
– Я не виновата.
– Ответь, – сказал я. —
Кто же виноват? —
Она сказала:
– Я встречала брата.
– Ха-ха, – сказал я, —
Разве это брат?

Она сказала:
– Ты чего хохочешь?
– Хочу, – сказал я,
Вот и хохочу!
Она сказала:
– Мало ли что хочешь!
Я это слушать
Больше не хочу!

Конечно, я ничуть
Не напугался,
Как всякий,
Кто ни в чем не виноват,
И зря в ту ночь
Пылал и трепыхался
В конце безлюдной улицы
Закат...

1960

Утро утраты

Человек не рыдал, не метался
В это смутное утро утраты,
Лишь ограду встряхнуть попытался,
Ухватившись за кольца ограды...

Вот прошел он. Вот в черном затоне
Отразился рубашкою белой,
Вот трамвай, тормозя, затрезвонил,
Крик водителя: – Жить надоело?!

Было шумно, а он и не слышал.
Может, слушал, но слышал едва ли,
Как железо гремело на крышах,
Как железки машин грохотали.

Вот пришел он. Вот взял он гитару.
Вот по струнам ударил устало.
Вот запел про царицу Тамару
И про башню в теснине Дарьяла.

Вот и всё... А ограда стояла.
Тяжки кольца чугуновой ограды.
Было утро дождя и металла,
Было смутное утро утраты...

1960

Утро на море

1

Как хорошо! Ты посмотри!
В ущелье белый пар клубится,
На крыльях несут свет зари
Перелетающие птицы.
Соединясь в живой узор,
Бежит по морю рябь от ветра,
Калейдоскопом брызг и света
Сверкает моря горизонт.
Вчера там солнце утонуло,
Сегодня выплыло – и вдруг,
Гляди, нам снова протянуло
Лучи, как сотни добрых рук.

2

Проснись с утра,
со свежестью во взоре
Навстречу морю окна отвори!
Взгляни туда, где в ветренном просторе
Играют волны в отблесках зари.
Пусть не заметишь в море перемены,
Но ты поймешь, что празднично оно.
Бурлит прибой под шапкой белой пены,
Как дорогое красное вино!
А на скале, у самого обрыва,
Роняя в море призрачную тень,
Так и застыл в восторге молчаливом
Настороженный северный олень.
Заря в разгаре —
как она прекрасна!
И там, где парус реет над волной,
Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой.

1960

В океане

Забрызгана
 крупно
 и рубка,
 и рында,
Но час
 отправления
 дан!
И тральщик
 тралфлота
 треста
 «Севрыба»
Пошел
 промышлять
 в океан...
Подумаешь,
 рыба!
 Треске
 мелюзговой
Язвил я:
 — Попалась уже? —
На встречные
 злые
 суда без улова
Кричал я:
 — Эй, вы!
 На барже! —
А волны,
 как мускулы, взмыленно,
 рьяно,
Буграми
 в суровых тонах
Ходили
 по черной
 груди океана,
И чайки плескались
 в волнах,
И долго,
 и хищно,
 стремясь поживиться,
С кричащей
 голодной
 тоской
Летели
 большие
 клювастые

ПТИЦЫ

За судном,
пропахшим
треской.

Ленинград, июль 1961

Полюби и жалей

«Меня звала моя природа...»

Меня звала моя природа.
Но вот однажды у пруда
Могучий вид маслозавода
Явился образом труда!
Там за подводой подвода
Во двор ввозила молоко,
И шум и свет маслозавода
Работу славил широко!
Как жизнь полна у бригадира!
У всех, кто трудится, полна,
У всех, кого встречают с миром
С работы дети и жена!
Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!..

Ты с кораблем прощалась

С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской,
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской.

Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан, —
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан.

Я полюбил полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть,

За то, что он наполнен голосами,
За то, что там к печали и добру
С улыбкой на лице и со слезами
Ты с кораблем прощалась на ветру.

1962

Я тебя целовал

Я тебя целовал сквозь слезы.
Только ты не видела слез,
Потому что сырой и темной
Была осенняя ночь.

По земле проносились листья,
А по морю – за штормом шторм,
Эти листья тебе остались,
Эти штормы достались мне.

Широко, отрешенно, грозно
Бились волны со всех сторон,
Но порой затихало море
И светилась заря во мгле.

Я подумал, что часто к морю
Ты приходишь и ждешь меня,
И от этой счастливой мысли
Будто солнце в душе зажглось!

Пусть тебе штормовые стоны
Выражают мою печаль,
А надежду мою и верность
Выражает заря во мгле...

1962

Мачты

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской,

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье,

Будто все начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется – нет забытья!
Все я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

1962

На родину!

Во мгле, по холмам суровым, —
Без фар не видать ни зги, —
Сто километров с ревом
Летели грузовики,
Летели почти по небу,
Касаясь порой земли.
Шоферы, как в лучший жребий,
Вцепились в свои рули,
Припали к рулям, как зубры,
И гнали – в леса, в леса! —
Жестоко оскалив зубы
И вытаращив глаза...
Я молча сидел в сторонке,
Следя за работой мужчин
И радуясь бешеной гонке
Ночных продуктовых машин.
Я словно летел из неволи
На отдых, на мед с молоком...
И где-то в зверином поле
Сошел и пошел
пешком.

1962

«Пора любви среди полей...»

Пора любви среди полей,
Среди закатов тающих
И на виду у журавлей,
Над полем пролетающих.

Теперь все это далеко.
Но в грустном сердце жжение
Пройдет ли просто и легко,
Как головокружение?

О том, как близким был тебе,
И о закатах пламенных
Ты с мужем помнишь ли теперь
В тяжелых стенах каменных?

Нет, не затмила ревность мир.
Кипел, но вспомнил сразу я:
Назвал чудовищем Шекспир
Ее, зеленоглазую.

И чтоб трагедией души
Не стала драма юности,
Я говорю себе: «Пиши
О радости, о лунности...»

И ты ходи почаще в луг
К цветам, к закатам пламенным,
Чтоб сердце пламенело вдруг,
Не стало сердце каменным.

Да не забудь в конце концов,
Хоть и не ты, не ты моя:
На свете есть матрос Рубцов,
Он друг тебе, любимая.

1962

Фиалки

Я в фуфаечке грязной
Шел по насыпи мола,
Вдруг тоскливо и страстно
Стала звать радиола:

– Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!

Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Так зачем мою душу
Так волна волновала,
Посылая на сушу
Брызги сильного шквала?
Кроме моря и неба,
Кроме мокрого мола,
Надо хлеба мне, хлеба!

Замолчи, радиола...
Сел я в белый автобус,
В белый, теплый, хороший.
Там вертелась, как глобус,
Голова контролерши.

Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом...
Как все это погано!
Эх! Кондуктор, кондуктор.
Ты не требуй билета,
Увези на толкучку,
Я, как маме, за это
Поцелую вам ручку!

Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга

И толкают друг другу,
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец...

О!.. Купите фуфайку,
Я отдам за червонец...

1962

Плыть, плыть...

В жарком тумане дня
Сонный встряхнем фиорд! —
Эй, капитан! Меня
Первым прими на борт!

Плыть, плыть, плыть
Мимо могильных плит,
Мимо церковных рам,
Мимо семейных драм...

Скучные мысли – прочь!
Думать и думать – лень!
Звезды на небе – ночь!
Солнце на небе – день!

Плыть, плыть, плыть
Мимо родной ветлы,
Мимо зовущих нас
Милых сиротских глаз...

Если умру – по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родне
И посети меня.

Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник – добрый крест.

Плыть, плыть, плыть...

1962

Повесть о первой любви

Я тоже служил на флоте!
Я тоже памятью полн
О той бесподобной работе
На гребнях чудовищных волн.

Тобою – ах, море, море! —
Я взвинчен до самых жил,
Но, видно, себе на горе
Так долго тебе служил.

Любимая чуть не убилась, —
Ой, мама родная земля! —
Рыдая, о грудь мою билась,
Как море о грудь корабля.

В печали своей бесконечной,
Как будто вослед кораблю,
Шептала: «Я жду вас вечно»,
Шептала: «Я вас люблю».

Люблю вас! Какие звуки!
Но звуки ни то ни се,
И где-то в конце разлуки
Забыла она про все.

Однажды с какой-то дороги
Отправила пару слов:
«Мой милый! Ведь так у многих
Проходит теперь любовь...»

И все же в холодные ночи
Печальней видений других —
Глаза ее, близкие очень,
И море, отнявшее их...

1962

«Вредная...»

Вредная,
 неверная,
 наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль,
Но жаль невероятно,
Что меня, наверно, и не ждешь!
За окном,
 таинственны, как слухи,
Ходят тени, шорохи весны.
Но грозой и чем-то в этом духе
Все же веют сумерки и сны!
Будь что будет! Если и узнаю,
Что не нравлюсь, – сунусь ли в петлю?
Я нередко землю проклинаяю,
Проклиная, все-таки люблю!
Я надолго твой,
 хоть и недолго
Почему-то так была близка
И нежна к моей руке с наколкой
Та, с кольцом,
 лесенкой прохладная рука.
Вредная,
 неверная,
 наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль,
Но жаль невероятно...
Что меня, наверное, не ждешь!

Букет

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
– С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

1962

Куда полетим?

– Мы будем свободны, как птицы, —
Ты шепчешь. И смотришь с тоской,
Как тянутся птиц вереницы
Над морем, над бурей морской!
И стало мне жаль отчего-то,
Что сам я люблю и любим...
Ты – птица иного полета, —
Куда ж мы с тобой полетим?

В городе

Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!

Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!

Элегия

Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

1961

Ответ на письмо

Что я тебе отвечу на обман?
Что наши встречи давние у стога?
Когда сбежала ты в Азербайджан,
Не говорил я: «Скатертью дорога!»

Да, я любил. Ну что же? Ну и пусть.
Пора в покое прошлое оставить.
Давно уже я чувствую не грусть
И не желанье что-нибудь исправить.

Слова любви не станем повторять
И назначать свидания не станем.
Но если все же встретимся опять,
То сообщу кого-нибудь обманом...

Волнуется южное море

Волнуется южное море.
Склоняясь, шумят кипарисы.
Я видел усталость и горе
В глазах постаревшей актрисы.

Я видел, как ходят матросы
С тоскою в глазах на закате,
Когда задыхаются розы
В бредовом своем аромате.

А ночью под аспидным небом
В томительных сумерках юга
Груженные спиртом и хлебом
Суда окликают друг друга.

И я, увозимый баржою
Все дальше за южную кромкой,
Всему откликаюсь душою
Спокойно уже и негромко.

В пустыне

Сотни лет,
Пролетевших без вести.
Сотни лет,
Сверхъестественно злой,
Как задуманный
Кем-то для мести,
Сотни лет
Над пустынями зной!

Шли с проклятьями
Все караваны...
Кто ж любил вас?
И кто вас ласкал?
Кто жалел
Погребенные страны
Меж песков
И обрушенных скал?

Хриплым криком
Тревожа гробницы,
Поднимаются,
Словно кресты,
Фантастически мрачные
Птицы,
Одинокие птицы пустынь...
Но и в мертвых
Песках без движенья,

Как под гнетом
Неведомых дум,
Зреет жгучая
Жажда сраженья,
В каждом шорохе
Зреет самум!..

«О чем писать...»

О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь,
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Все это будет ложь!

Венера

Где осенняя стужа кругом
Вот уж первым ледком прозвенела,
Там любовно над бедным прудом
Драгоценная блещет Венера!..

Жил однажды прекрасный поэт,
Да столкнулся с ее красотой.
И душа, излучавшая свет,
Долго билась с прекрасной звездой.

Но Венеры играющий свет
Засиял при своем приближенье,
Так что бросился в воду поэт
И уплыл за ее отраженьем...

Старый пруд забывает с трудом,
Как боролись прекрасные силы,
Но Венера над бедным прудом
Доведет и меня до могилы!

Да еще в этой зябкой глуши
Вдруг любовь моя – прежняя вера —
Спать не даст, как вторая Венера
В небесах возбужденной души.

Последняя осень

Его увидев, люди ликovali,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля,
А где покой среди больших дорог?!
Что есть друзья в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.

Сергей Есенин

Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

1962

«Брал человек...»

Брал человек
Холодный мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова.

Но труд ума,
Бессонницей больного, —
Всего лишь дань
За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

Ленинград, 1962

«О чем шумят...»

О чем шумят
Друзья мои, поэты,
В неугомонном доме допоздна?
Я слышу спор.
И вижу силуэты
На смутном фоне позднего окна.

Уже их мысли
Силой налились!
С чего ж начнут?
Какое слово скажут?
Они кричат,
Они руками машут,
Они как будто только родились!

Я сам за все,
Что крепче и полезней!
Но тем богат,
Что с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и звучат!

С веселым пеньем
В небе безмятежном,
Со всей своей любовью и тоской
Орлу не пара
Жаворонок нежный,
Но ведь взлетают оба высоко!

И, слава взлет
Космической ракеты,
Готовясь в ней летать за небеса,
Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!

Ленинград, 1962

Тост

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься.,
Пусть все это длится и длится!

В гостях

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...

Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!

Я продолжаю верить в этот бред.
Когда в свое притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...

Куда меня, беднягу, занесло?
Таких картин вы сроду не видали.
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!

...Поэт, как волк, напьется натошак.
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей сидит на табурете,
И все молчит, не двигаясь никак.

А перед ним, кому-то подражая
И суетясь, как все, по городам,
Сидит и курит женщина чужая...
— Ах, почему вы курите, мадам! —
Он говорит, что все уходит прочь
И всякий путь оплакивает ветер,
Что странный бред, похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь,
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.
И думал я: «Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна все реже гаснущая лира,
И странный шум ей слышится в ответ?..»

Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервной системой:
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слез!
И все торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тетки,
Торчат слова, Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...

Когда толпа потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде».

1962

Эхо прошлого

Много было в комнате гостей,
Пирогов, вина и новостей.
Много ели, пили и шутили,
Много раз «Катюшу» заводили...
А потом один из захмелевших,
Голову на хромку уронив,
Из тоски мотивов устаревших
Вспомнил вдруг
кладбищенский мотив:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.